

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНТЕРНЕТ-ОТНОШЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКЕ**

Сабирова Дилноза Лазизовна

*Магистр кафедры международного бизнес права Университета
мировой экономики и дипломатии*

*100097, Республика Узбекистан, город Ташкент, Чиланзарский
район, 6 квартал, 67 дом.*

Телефон: 995176902; gmail: dilnozalazizovna@gmail.com

**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INTERNET
RELATIONS IN INTERNATIONAL PRACTICE**

Sabirova Dilnoza Lazizovna

*Master of the Department of International Business Law University of
World Economy and Diplomacy*

*100097, Republic of Uzbekistan, Tashkent city, Chilanzar district, 6th
quarter, 67th building.*

Phone: 995176902; gmail: dilnozalazizovna@gmail.com

***Аннотация:** Данная тема исследует аспекты коллизионного регулирования в контексте международного частного права в области интернет-отношений. Автор анализирует проблемы, связанные с определением юрисдикции, применением законодательства и решением споров в сфере цифрового взаимодействия. Работа включает в себя изучение актуальных правовых механизмов, предназначенных для урегулирования глобальных онлайн-конфликтов, а также предлагает рекомендации по совершенствованию правового подхода к этим вопросам в рамках международного сообщества.*

Ключевые слова: киберпространство, киберправо, трансграничные отношения, международное частное право, сервер, глобализация, конфликт юрисдикций, судебная власть.

Многовековая практика международного частного права успешно приспособилась к управлению трансграничными отношениями, разработав различные гибкие механизмы, способные эффективно отвечать на сложности современного общества. Киберпространство, как новая область существования в сетевом мире, приносит старые проблемы на первый план, особенно юрисдикционные конфликты и противоречия в правовых рамках. Процессы их разрешения постепенно совершенствуются как путем приспособления традиционных подходов, так и поиском новых, часть которых исследуется в данной работе.

Любое правоотношение в интернете имеет трансграничный характер и потенциально является объектом регулирования МЧП.

Иностраный элемент в интернет отношениях есть практически всегда, и он может проявляться разнообразным образом:

- сервер находится на территории иностранного государства;
- сервис провайдера является резидентом иностранного государства;
- электронная сделка заключается лицами разных государств;
- ущерб, в результате использования информации причинен на территории иностранного государства;
- информация, размещенная в сети, нарушает законы иностранного государства, регулирующих охрану прав интеллектуальной собственности.

В любом интернет отношении возможно сочетание сразу нескольких иностранных элементов.

В силу универсальности доступа и отсутствия территориальных границ начала МЧП основанные на связи с физической территорией в интернете в принципе не применимы. Оптимальным вариантом для локализации интернет отношений является концепция наиболее тесной

связи частноправового отношения с правопорядком двух и более государств. Такой подход способен обеспечить гибкость и эффективность коллизионно-правового регулирования.

Идея Д. Голдсмита, профессора Гарвардской школы права, «как ключ к головоломке, как знание в некотором смысле тайное, понятное преимущественно «вольным коллизионистам», адептам международного частного права (далее — МЧП). МЧП как отрасль права и в особенности как наука остается «юридическим масонством» и вовсе не в силу закрытости, но ввиду уникальной методологии, оригинального категориального аппарата и целого ряда институтов, отсутствующих в большинстве отраслей права»¹.

Д. Голдсмит определяет «актуальное значение коллизионного права, характеризуя последнее через констатацию двух крайне важных и показательных тенденций: расширение транснациональной деятельности и сохранение децентрализованного правотворчества. Первая — суть проявление глобализации, выстраивания сетевого информационного общества со все большим перемещением коммуникативных процессов в сферу киберпространства».

Вторая — подстройка правовой архитектуры под новую социальную реальность не через призму концептов «глобального правительства», «глобального управления» и «глобального права», а в логике государство-центрированного мира².

Во взаимосвязи этих двух тенденций и «защит» современный парадокс.

С одной стороны, антропологи утверждают, что мы все в большей степени

¹ М.В. Мажорина. Киберпространство и методология международного частного права. С. 230–253

² Goldsmith J. Against Cyberanarchy. University of Chicago Law Occasional Paper, 1999, no 40, pp. 1–37.

живем в «глобальной культурной ойкумене», т.е. в обитаемой части планеты, в которой все сильнее игнорируются паттерны локальной «принадлежности», и самоидентификация субъекта все в меньшей степени детерминирована пространством: «притупляются» чувство места или территориальное самосознание, культурная и национальная идентичности, лингвистическая зависимость. Это любопытнейшим образом влияет на право, например, так «не исключено, что психическое бремя иностранной юрисдикции является менее значимым сегодня из-за нашего возросшего контакта с зарубежными государствами»³.

По мнению американского социолога М. Кастельса, «мир выстраивается в логике пространства потоков, а люди пытаются продолжать жить в пространствах мест»⁴. Перевод подобного социального тезиса на юридический язык и выполнен Д. Голдсмитом.

Киберпространство — это абстрактное пространство, созданное взаимодействием компьютерных систем и сетей, включающее информационные ресурсы, электронные коммуникации и цифровые технологии. В рамках научной статьи, понятие киберпространства может рассматриваться как комплекс виртуальных сред, где происходят цифровые взаимодействия, обработка данных и развитие информационной инфраструктуры.

Киберправо понимается как совершенно уникальная и автономная система норм, созданных независимо от воли какого-либо государства в ходе саморегулирования, как совокупность правил, формулируемых пользователями киберпространства не на основе правовых норм государств, а на основе структуры или архитектуры программного обеспечения киберпространства. Эти нормы и правила гораздо более технологичные, чем

³ Berman P. The Globalization of Jurisdiction. University of Pennsylvania Law Review, 2002, no 2, pp. 311–545

⁴ Castells M. The Rise of the Network Society. Information Age. Vol. 1. New York: WileyBlackwell, 2009, 594 p.

традиционные правовые нормы. Встречаются также суждения о формировании обычного киберправа, в основе которой лежит широко известная в международном праве концепция правового обычая, а также «договорного» киберправа, формируемого на основании типовых законов и контрактов.

Киберпространство является одним из доминирующих факторов в обществе XXI века, которое определяет его структуру, основанную на сетевых взаимодействиях. Это приводит к пересмотру многих юридических концепций и созданию новой правовой парадигмы. Международное право, исторически адаптированное для урегулирования трансграничных отношений, гибко отвечает на вызовы киберпространства благодаря своим инструментальным наборам и адаптивным методам. Материальный способ регулирования, основанный на результате унификации, эффективно развивается через гармонизацию, которая успешно заполняет пробелы в нормативном регулировании новых и стремительно расширяющихся общественных отношений.

Мы рассмотрим некоторые ключевые проблемы, которые находятся в сфере применения МЧП с целью показать то, как методология МЧП может применяться к отношениям, которые возникают, изменяются и прекращаются в киберпространстве.

1. По мнению Г.К.Дмитриевой «унификация и гармонизация Унификация — механизм, составляющий форму существования генерального способа регулирования трансграничных частноправовых отношений — материально-правового»⁵.

Однако, существуют определенные проблемы подобного регулирования.

1. Культурные Различия и Национальные Особенности
Одной из главных проблем при унификации являются разнообразные

⁵ Дмитриева Г.К. (ред.) Унификация и гармонизация в международном частном праве. М.: Норма, 2016. 208 с

культурные и национальные контексты. Нормы, которые могут быть приемлемы в одной юрисдикции, могут не соответствовать ценностям или традициям другой. Как находить общие нормы, учитывая эту многогранность?

2. Различия в Правовых Традициях и Системах
Международные правовые системы имеют разные традиции и подходы к регулированию частных отношений. Как обеспечить единый набор правил, учитывая разнообразие правовых систем, таких как континентальная, общественная и общинная?

3. Интересы и Суверенитет Государств
Нередко унификация сталкивается с противоречиями между интересами государств и желанием сохранить суверенитет в регулировании внутренних правовых вопросов. Как сбалансировать эти интересы и создать общепринятые нормы?

4. Нормы в Цифровой Эпохе
С развитием цифровых технологий возникают новые аспекты регулирования, такие как кибербезопасность и защита данных. Как учесть эти современные вызовы в унификации, сохраняя актуальность правовых норм?

5. Эффективность Механизмов Соблюдения
Принятие общих норм не гарантирует их эффективного соблюдения в разных частях мира. Как создать механизмы, способные обеспечить эффективное применение унифицированных правил на практике?

В то же время, несмотря на сложность процесса унификации, отсутствие ощутимых результатов и незначительные результаты огромных усилий по унификации, она может обеспечить согласование воли государств и определить ключевые направления в разрешении тех или иных глобальных проблем. При повторном рассмотрении вопроса о сравнении киберпространства с международной зоной можно надеяться на успех, так как правовой режим всех традиционных территорий в рамках

международного права определен договорами. Преимущества унификации помимо разработки единообразных правил поведения заключаются в вовлечении в этот процесс высокопрофессиональных и глубоко погруженных в проблематику истинно транснациональных коллективов. Следует заметить, что процесс нормотворчества сегодня также претерпевает изменения, в значительной степени смещаясь в область гармонизации и производства «мягкого права».

Помимо государственных и субгосударственных структур, профессор Лондонского университета Р. Коттерелл называет четыре типа субъектов, издающих правовые нормы, регулирующие коммерческие отношения: «наднациональные правительственные структуры (Евросоюз); технократические неправительственные и межправительственные органы (ЮНСИТРАЛ и УНИДРУА); судебные органы (Апелляционный орган ВТО, международные арбитражи; частные группы (неправительственные организации и торговые ассоциации)»⁶.

По мнению М.В. Мажориной, «определенную надежду на востребованность и потенциальную эффективность унификационных усилий дает непомерная дороговизна трансграничных кибер-споров как для частных субъектов, так и для государств. Споры в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, вытекающие из деятельности в киберпространстве, иски государств к провайдерам по поводу незаконного содержания размещаемого ими контента влекут огромные расходы. Это становится хорошим поводом вернуться к старым, проверенным нормотворческим практикам. Тем более, что миру известны успешные унификации, например, в сфере регулирования авторского права или права промышленной собственности, которые, по сути, решаемых ими проблем в достаточной степени близки к проблемам регулирования киберпространства. Кроме того, применяемая при их унификации

⁶ Cotterrell R. What is Transnational Law? *Law & Social Inquiry*, 2012, issue 2, pp. 500–524.

методология минимальных стандартов в условиях свободы национального регулирования также может оказаться действенной. На основе международных договоров также могут создаваться международные специализированные организации, центры по урегулированию споров. То есть администрирование регулирования соответствующих трансграничных отношений на международном уровне также может способствовать поиску единообразных и оптимальных моделей регулирования кибер-споров. Не будучи панацеей, унификация способна несколько нивелировать трудности регулирования трансграничных отношений, снизив потребность в применении коллизионного способа регулирования, более сложного и одновременно более универсального»⁷.

2. Конфликт юрисдикций

Конфликт юрисдикций — это ситуация, возникающая при наличии нескольких юрисдикций (судебных властей), которые могут претендовать на право рассмотрения конкретного юридического дела или вопроса. Такие конфликты могут возникнуть между различными странами, регионами или внутри страны, когда разные суды имеют право заслушивать дела, связанные с определенными событиями или сторонами. Разрешение конфликта юрисдикций обычно требует применения правовых принципов и международных соглашений.

Когда речь заходит об интернете и киберпространстве, то подразумевается конкретно глобальная доступность с возрастанием онлайн-взаимодействий возникают вопросы о том, в какой юрисдикции следует рассматривать юридические вопросы, связанные с интернет-пространством.

Решение конфликта юрисдикций может потребовать применения принципов международного частного права, договорных условий, а также согласования между правовыми системами. Многие страны и

⁷ М.В. Мажорина. Киберпространство и методология международного частного права. С. 230–253

международные организации также разрабатывают соглашения для регулирования вопросов, связанных с конфликтом юрисдикций.

Конфликт юрисдикций, являясь достаточно сложным юридическим феноменом, в определенной степени «усугубляется» формированием киберпространства. По образному выражению Д. Соммера, информационные технологии — это лишь «морщинка на серьезной проблеме»⁸.

П. Берман, профессор исследовательского университета Дж. Вашингтона, постулирует, что «изменения политической и социальной концепции пространства формируют, по крайней мере, часть контекста для изменения понимания юрисдикции. И реальность такова, что юрисдикционные нормы всегда эволюционируют сообразно тому, как меняются социальные конструкции пространства, расстояния и общества. Сложность юрисдикционных трюков при регулировании отношений киберпространства возрастает в связи с тем, что последствия тех или иных действий рассеиваются сразу по множеству юрисдикций»⁹.

Актуальна проблема юрисдикции в отношении «кибернавтов» (cybernavts) — своего рода «жителей» киберпространства. Камнем преткновения, отшлифовываемым судебной практикой и доктриной, являются критерии «минимальных контактов» «кибернавтов» с государством места расположения форума. Это могут быть критерии «материальной выгоды» от онлайн деятельности в стране суда, «ориентированность или направленность» деятельности на государство страны суда, «доступность контента», размещенного «кибернавтом», гражданам страны суда и пр. Сложилась обширная судебная практика, демонстрирующая, что «доступность контента/размещение веб-сайта в

⁸ Sommer J. Against Cyberlaw. Berkeley Technology Law Journal, 2000, vol. 15, pp. 1145- 1232.

⁹ Berman P. The Globalization of Jurisdiction. University of Pennsylvania Law Review, 2002, no 2, pp. 311–545.

пределах государства могут быть достаточными действиями для обоснования юрисдикции»¹⁰.

Конфликт юрисдикций, порожденный трансграничностью спора или трансграничностью возникающих в ходе осуществления общественных отношений последствий, детерминированный киберпространством, актуализирует поиск критериев, легитимизирующих судебную юрисдикцию. Схожие явления, сводимые к поиску адекватных критериев квалификации тех или иных юридически значимых фактов, мы можем наблюдать и в сфере материального права. Так, например, в международной коммерческой деятельности используется конструкция «коммерческое предприятие стороны» (*place of business*), которым оперируют международные конвенции, в первую очередь, Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (1980). Зачастую не закрепленная в национальном законодательстве, эта юридическая конструкция позволяет квалифицировать «международность» сделки и служит основанием применения соответствующей Конвенции. Если коммерческих предприятий несколько, согласно ст. 10 Конвенции принимается во внимание то, которое имеет наиболее тесную связь с договором и его исполнением. «Налицо возможная дискреция правоприменительного органа и при квалификации термина «коммерческое предприятие стороны», и при разрешении иных связанных юридических казусов. Важным применительно к проблеме юрисдикции в киберпространстве в этой аналогии является «наиболее тесная связь» коммерческого предприятия со сделкой, которая определяется судом на основе его собственного представления о характере последней. В этом смысле весь богатейший арсенал знаний о принципе наиболее тесной связи может быть использован применительно к проблеме определения

¹⁰ См.: дело *Inset Systems, Inc. v. Instruction Set, Inc.* Available at: <https://cyber.harvard.edu/property00/jurisdiction/insetedit.html>

юрисдикции в отношении правовых споров, возникающих в киберпространстве»¹¹.

В заключение можно сказать, что сетевое общество, детерминированное киберпространством — начало «золотого века» МЧП, так как последнее обладает необходимой и уже сформировавшейся методологией, способной ответить на вызовы современности.

Библиография

1. Дмитриева Г.К. (ред.) Унификация и гармонизация в международном частном праве. М.: Норма, 2016. 208 с
2. М.В. Мажорина. Киберпространство и методология международного частного права. С. 230–253
3. Berman P. The Globalization of Jurisdiction. *University of Pennsylvania Law Review*, 2002, no 2, pp. 311–545.
4. Castells M. *The Rise of the Network Society. Information Age. Vol. 1.* New York: Wiley Blackwell, 2009, 594 p.
5. Cotterrell R. What is Transnational Law? *Law & Social Inquiry*, 2012, issue 2, pp. 500–524.
6. Sommer J. Against Cyberlaw. *Berkeley Technology Law Journal*, 2000, vol. 15, pp. 1145- 1232.
7. Goldsmith J. Against Cyberanarchy. *University of Chicago Law Occasional Paper*, 1999, no 40, pp. 1–37.

¹¹ М.В. Мажорина. Киберпространство и методология международного частного права.